

*Виктория БОЙЦОВА,
Любовь БОЙЦОВА,
Владимир ЛОМОВСКИЙ*

Конституционное право в российской правовой системе

В Российской Федерации только начинает оформляться новая конституционная доктрина как система конституционно-правовых ценностей, взглядов на политическую организацию общества. Происходит процесс перехода от доминировавшего у нас государственного этатистского права к праву конституционному.

Между тем понятие «конституционное право» широко использовалось правоведами России в начале XX века. Профессор М. Ковалевский читал курс конституционного права в Петербургском университете и Политехническом институте, был автором двух учебных курсов конституционного права. Профессор А. Алексеев широко использовал термин «конституционное право», предложил ряд его оригинальных определений¹.

Наука советского конституционного (государственного) права интенсивно развивалась в 60-е годы. Разрабатывались новые теоретические и прикладные проблемы, уточнялась терминология². Важный вклад в исследование государственно-правовой проблематики внесли А. Денисов, Д. Златопольский, А. Ким, М. Кириченко, В. Копейчиков, В. Коток, А. Мишин, А. Мицкевич, В. Пертцик, С. Русинова, Ю. Судницын, Н. Фарберов, М. Шафир, Б. Щетинин и другие советские ученые-государствоведы. Было положено начало изданию периодических сборников по проблемам конституционного права³. Впоследствии проб-

¹ См. История буржуазного конституционализма XIX века. М., 1986, с. 208—209; Дмитриев Ф. М. Конспект конституционного права (лекции проф. Ф. Дмитриева). М., 1868; Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1918; Ковалевский М. М. Конституционное право. СПб., 1903.

² См. Коток В. Ф. Конституционно-правовые отношения в социалистических странах. «Правоведение», 1962, № 1; Основин В. С. Нормы советского государственного права. М., 1963; Уманский Я. Н. Советское государственное право. Учебник для юридических вузов. М., 1960; Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов, 1967.

³ См., например, Проблемы конституционного права. Межвузовский сборник. Саратов,

Бойцова В. В.—кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и прокурорского надзора Тверского государственного университета.

Бойцова Л. В.— кандидат юридических наук, доцент той же кафедры.
Ломовский В. Д.—заведующий той же кафедрой, доктор юридических наук, профессор.

лематика конституционного (государственного) права продолжала расширяться.

Конституционное право и наука конституционного права имеют самостоятельный статус в правовой системе, в системе высшего образования США. В западноевропейской правовой науке и практике понятие «конституционное право» применяется давно и широко. Немецкие государственеды почти единодушны, отдавая предпочтение этому понятию. Интересной представляется трактовка соотношения конституционного и государственного права К. Хессе, западногерманского конституционалиста. Он полагает, что конституционное право регулирует принципы не только государственной, но и общественной жизни, поэтому в строгом смысле слова конституционное право — более широкое и всеобъемлющее понятие, чем государственное⁴. Термин «государственное право» неизвестен вовсе юриспруденции Англии, что объясняется отчасти тем, что доктрина права не наделяет государство свойствами субъекта права, рассматривая парламент в качестве носителя государственного суверенитета.

С учетом содержания конституционного права (государственного, если принимать во внимание еще бытующий термин) трудно согласиться с отраслевой характеристикой государственного права, ставшей почти аксиоматичной. Российское конституционное право вследствие присущих ему признаков не может находиться в одном ряду с иными отраслями российского права, а те аргументы, которые обычно приводятся в пользу отраслевой принадлежности конституционного (государственного) права, нельзя признать удачными. Даже в тех случаях, когда указывается на «профилирующий» характер государственного права (как в работе С. Алексеева)⁵, все же подчеркивается его близость к другим отраслям права, составляющим ядро, обязательную часть правовой системы. Впрочем, Алексеев пишет и о том, что государственное право имеет среди всех отраслей права определяющее значение, представляет собой «корень» правовой системы⁶. А это равнозначно признанию того, что конституционное (государственное) право является правовым образованием, принципиально отличным от других отраслей права. Кроме того, ведущая роль конституционного права получила в теории не очень глубокое, а потому неубедительное объяснение. Ведущая роль государственного права обычно связывается с тем, что оно устанавливает отправные начала, основные правовые принципы для отраслей права, охватывая своим влиянием, регулированием «главные стороны общественной и государственной жизни», определяет порядок издания и изменения всех норм права⁷. Однако этих признаков недостаточно для определения сущности, содержания конституционного права и его места в правовой системе.

Так называемая «ведущая» роль государственного права связывается чаще всего с «обслуживанием» отраслей российского права, отчего теряется его самостоятельность. Между тем конституционное право имеет не служебный, вспомогательный характер, а выполняет особую, независимую от отраслей права функцию, представляет собой самостоятельную правовую сущность, определяемую спецификой его предмета.

Конституционное право — это главная часть национальной правовой системы, поскольку равновесие внутри государственного механизма является основным условием правопорядка в обществе. Само равновесие достигается за счет оформления властных отношений как правовых.

⁴ См. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.

⁵ См. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972, с. 142.

⁶ См. там же.

⁷ См. Общая теория государства и права. Л., 1961, с. 480.

Начиная с 1959 года в СССР проходила дискуссия о предмете государственного (конституционного) права. Авторы двух основных концепций — В. Коток и А. Лепешкин — отстаивали противоположные подходы к определению предмета этой отрасли права и науки. Коток защищал позицию широкого понимания государственного права, отождествляя государственно-правовое регулирование с конституционным регулированием⁸. Эта точка зрения была уязвима в том отношении, что предмет государственного (конституционного) права не является узкоюридическим. Лепешкин включал в предмет государственного права те отношения, которые связаны с осуществлением государственной власти. Конституционное регулирование, по его мнению, включает нормы права, политики⁹.

Представляется, что предмет конституционного права составляют: установление, передача, осуществление государственной власти в различных формах, а также разделение и рассредоточение государственной власти между органами государства и политическими структурами; установление пределов государственной власти, гарантирование прав и свобод граждан. Конституции традиционно считались и продолжают рассматриваться в качестве первоначальных источников конституционного права. Действительно, Конституция РФ — базовый документ всей юридической системы. Она закрепляет и регулирует механизм власти, упорядочивает политический процесс и социально-политические институты, устанавливая нормы поведения субъектов конституционного права. Конституция одновременно определяет пределы различных политических процессов и создает возможности для их развития. Основные конституционные принципы предопределяют особенности национальной политической системы. Основное назначение конституции — **конституирование самого государства** в соответствии с демократическими правовыми ценностями.

Конституирующая функция конституции тесно связана с ее ограничительной функцией: ограничение государственной власти правом. Конституционные нормы обязательны для государственных органов, образуют основу и границы их деятельности, предотвращают узурпацию и монополизацию власти.

Следующая функция конституции — **стабилизирующая**. Устойчивость государственно-правовых институтов обеспечивается нормами конституции, придающими государству, по образному выражению Хессе, «меру и форму». Стабильность институтов власти несмотря на постоянно возникающее в их недрах напряжение является одним из условий стабильности и равновесия общества. Конституция обеспечивает единство правовых норм в иерархии правовых актов, их непротиворечивость и рациональность.

Наконец, конституция — это соглашение политических сил, документ, санкционирующий «общественный договор». Она гарантирует свободу граждан. В противном случае конституция терпит моральное и политическое фиаско.

Указанные функции конституции предопределяют, вне всякого сомнения, ее особое место в политико-правовой системе. Поэтому верховенство конституции — общепризнанный правовой принцип, хотя он не всегда получает прямое отражение в конституционном тексте. Исходя из указанных характеристик конституции, можно сделать вывод о том, что конституция обладает неограниченной императивной юридической силой.

Несмотря на то, что конституция занимает особое место в типологии нормативных актов, вряд ли необходимо именовать ее Основным законом.

⁸См. Коток В. Ф. О предмете конституционного права. Конституционное право социалистических стран. М., 1963.

Лепешкин А. И. Курс советского государственного права в 2-х томах. М., 1961.

По-видимому, полезнее не присваивать конституции повторяющихся эпитетов, а определять ее роль и значение в политико-правовой системе, изучать механизм ее реального функционирования. Формула «основной закон» при всей ее лапидарности не раскрывает сущности конституционного документа и потому в любом случае нуждается в дополнительной характеристике. Кроме того, создается впечатление, что иные, помимо конституции, законы относятся к разряду второстепенных; между тем существуют законодательные акты, которые по своему рангу и значению не уступают конституционным нормам. В зарубежной юридической литературе их именуют органическими, или конституционными, законами, что означает наделение органических законов особым статусом.

Формулировка «основной закон» имеет, несомненно, определенные исторические корни. Школа естественного права и права народов в лице голландца Г. Гроция и его последователей рассматривала конституцию в качестве основного закона государства, первоначального акта суверенной власти и вместе с тем как источник всякой учрежденной власти. Конституция предшествует «обыкновенным» законам, положена в основу при возникновении государства. Конституция делает возможным существование государства, поэтому все установленные власти обязаны соотноситься с ней и подчиняться ей в своей текущей деятельности.

Понятие «основной закон» получило распространение в Германии в XVII—XIX веках, однако оно употреблялось в ином значении. Основные законы, согласно немецкой исторической традиции, включали в себя фундаментальные, постоянные и долговечные нормы, однако были несистематизированными. Примерами основных законов являются акты капитуляции короля Фердинанда III на выборах 1638 года. Вестфальский мир 1648 года, Заключительный акт главной имперской постоянной комиссии 1803 года, так называемые органические законы Германского союза¹⁰. После капитуляции Германии в 1945 году понятие «основной закон» стало употребляться для выражения особенностей конституирования государственного устройства. Ныне германская наука конституционного права использует это понятие для обозначения устройства всей государственной жизни, а не ее части. «Нет никаких препятствий понимать «основной закон» как конституцию»¹¹.

Российская дореволюционная правовая наука (особенно государственная) находилась под сильным немецким влиянием, поэтому многие государственно-правовые понятия, содержащиеся в трудах немецких юристов, «перекочевали» в российские словари. Например, в словаре Брокгауза и Ефрона мы находим следующее определение: «Конституция — учредительный закон, основной закон, устанавливающий основные начала государственного устройства данной страны. Обыкновенно название это дается основным законам тех стран, государственное устройство которых основано на началах народного представительства»¹². Тем не менее ни в одном государстве название «конституция» не употребляется вместе с формулой «основной закон», как это часто делается в нашей стране.

Конституция, как представляется, — это нечто более значительное, чем закон или даже основной закон. Она регламентирует основы политической организации государства в его взаимодействии с гражданским обществом. Эти основы не подвержены перманентным колебаниям соотношений политических сил, групп и направлений. Государственный механизм, политические и социальные структуры могут развиваться лишь в условиях стабильности, подчиняясь правилам совершения и

¹⁰ Хессе К. Указ. соч., с. 57—58.

¹¹ Там же, с. 58.

¹² Энциклопедический словарь (Брокгауз и Ефрон). Т. 16. СПб., 1895, с. 87.

принятия политических действий и решений. Конституционные принципы не могут быть поставлены под сомнение; в противном случае государство и общество будут «дрейфовать» в зависимости от того, куда подует ветер целесообразности.

Значимость конституции предопределяется важностью общественных отношений, составляющих предмет ее регулирования. Поэтому важно изучать особенности этих общественных отношений. Наука конституционного права призвана исследовать современное состояние и движение российского общества, закономерности и приоритетные направления его развития. Конституционные отношения — экономические, политические, культурные — должны получить в новой российской конституции общее, фундаментальное выражение. Эти конституционные отношения не пребывают в статичном состоянии. Конституция возникает и изменяется в конкретном социальном контексте; социальные предпосылки имеют решающее значение для объяснения генезиса конституционного текста. Конституция всегда, с одной стороны, является следствием разрешения общественных и государственных конфликтов, с другой — служит средством обеспечения гражданского мира, формирования пути к свободе, равенству, процветанию. Социальная действительность — основа для изменения конституции, однако конституция не должна перекраиваться под влиянием такой социальной реальности, которая неконституционна.

Конституция обозначает конституционно-политические стремления общества. В ней получают выражение главные социальные ценности и идеалы, общественные интересы. Надежды общества служат психологическим стимулятором конституционного развития. Конституция не может быть ориентирована в прошлое или лишь закреплять общественные достижения. Ей суждена долгая жизнь лишь при условии устремленности в будущее.

Конституция должна быть живой, приспособленной к вновь возникающим потребностям политической практики. Постоянно обновляющееся общество не приемлет политически инертные конституционные механизмы. Но конституция в любом случае призвана гарантировать политико-правовую преемственность, быть иммуностойкой к официальному и политическому давлению. Поэтому нужно стремиться к тому, чтобы оградить будущую российскую конституцию от политических действий и авторитарного влияния властных структур. Любые правовые новшества, предлагаемые политическими группами, подлежат тщательному обсуждению, ибо могут стать источниками социальной напряженности или, по крайней мере, «румянцем на трупе», по выражению П. Столыпина, т. е. искусственными и бесполезными для российского общества.

Конституция, таким образом, представляет собой первичный, учредительный, конституирующий государственную и общественную жизнь законодательный акт, соответствующий общественным связям в государстве, исторической перспективе, учитывающий общечеловеческие ценности свободы, равенства, гражданских прав, которые не могут быть поколеблены игрой политических сил.

Основные структуры проектируемой Конституции Российской Федерации уже обозначены. Конституционные проекты зиждятся на республиканских и демократических ценностях. Новая российская Конституция может быть названа конституцией третьей — «постсоциалистической» — волны. Основу проекта образует либеральная правовая доктрина, скорректированная с учетом усиливающихся социальных государственных функций. В ней получили закрепление традиционные принципы правовой государственности: парламентаризм, разделение властей, конституцион-

ный контроль. Это означает принципиальный отказ от советской власти в понимании ее В. Лениным в 1917 году во время дискуссий об Учредительном собрании (в советскую власть, по мнению Ленина, не входят ни парламент, ни референдум, поскольку советская власть «выше этого»). Конституционные проекты свидетельствуют о преобразовании системы представительных институтов государственной власти. Система советов в прежнем виде исчерпала себя, и это доказали многочисленные и безуспешные попытки ее реорганизации в последнее время.

Отличительная черта конституционного проекта — отсутствие жестких, регламентирующих все стороны общественной жизни положений, которые были характерны, например, для Конституции СССР 1977 года. М. Гефтер писал в 1977 году о бесполезности проекта Конституции СССР, пытающегося регламентировать «все стороны жизнедеятельности». Принуждение к единственному образу жизни ставит вне закона иные мотивы и жизненные установки¹³.

Конституционный проект ценен и тем, что продолжает российские традиции конституционализма. Наша страна имеет богатое, еще нево-стребованное конституционное наследие. Первый конституционный документ — Манифест 1905 года — не был воплощен в привычную форму конституции североамериканского или западноевропейского типа и не послужил основой объединения общества. 11 октября 1917 года Особая комиссия по составлению проекта основных законов под председательством профессора-государствоведа Н. Лазаревского начала работу над проектом конституции в порядке подготовки к Учредительному собранию. Работе этой не суждено было завершиться. Последующие конституции Советской России и СССР несмотря на безупречность с точки зрения законодательной техники служили, по выражению А. Подгурецкого, «красивым фасадом»¹⁴.

В случае принятия новой Конституции РФ будет создано новое конституционно-правовое поле. В этих условиях будут необходимы скорейшие законодательные действия по обеспечению непрерывности правового развития. Конституция при этом должна оставаться относительно стабильной и неизменной, что возможно лишь в результате усилий всех политических сил, направленных на сохранение конституционной структуры на максимально длительный срок в том виде, в котором она изначально зафиксирована в конституционном документе.

Теория конституционного права в связи с этим должна уделять больше внимания проблеме актуализации конституции в общественных отношениях, в человеческих действиях. Нормирующая сила конституции зависит от готовности осуществлять ее содержание на практике, преодолевать косность и сопротивление. Чем сильнее «стремление к конституции», тем шире возможности ее реализации.

Непоколебимая вера и гордость за национальную конституцию — черта сознания американцев. Эта вера определяет успехи конституционно-го регулирования. Конституционное государство формируется конституционной культурой общества. «Конституционные механизмы рас-поряжаются издалека и вблизи всей нашей судьбой, вместе с тем в своем функционировании они подвергаются влиянию всех наших действий и всех наших мыслей»¹⁵.

Конституционное право — это прежде всего юридическая наука. Однако его можно в каком-то смысле назвать политически ориентированной юридической наукой. Не случайно французский государствовед Ж. Бурдо называл политическую науку методом изучения конституционного права.

¹³ См. Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М., 1991.

¹⁴ См. Podgorecki A. Social oppression. Cambridge, 1991, p. 90.

¹⁵ Burdeau G. Droit constitutionnel. Paris, 1953, p. 16.

Существует и такая точка зрения: политическая наука отпочковалась от конституционного права. Немецкий конституционалист К. Штерн высказал парадоксальное суждение: «государственное право — политическое право».

Какими бы ни были взаимные отношения собственно юридической и политической составляющих конституционного права, при исследовании функционирования конституционно-правового механизма современности, видимо, неприемлем формально-догматический («аналитический») метод англичанина А. Дайси, который состоит в «сознательном отделении костей права от мяса "реальной конституции"». Науке конституционного права небезразличны практические аспекты политических институтов и официальных или неофициальных творцов политики. Изучение политических аспектов конституционных проблем, несомненно, политизирует науку конституционного права. Однако исследование только конституционных текстов не позволяет составить представление о конституционном праве. Во-первых, текст конституции не исчерпывает конституционную проблематику. Во-вторых, конституционный документ нередко противоречит конституционной действительности. Наконец, политическая практика нередко порождает новые политические институты, не регламентированные конституцией.

«Формальная» концепция конституционного права, оперирующая нормативными составляющими конституционных документов, как нам представляется, нуждается в дополнении ее «материальной» концепцией. Последняя оперирует понятиями общественного мнения, групп давления, прессы, конституционного обычая, гипотезного понимания конституции. Она изучает механизмы создания политических институтов, отбора персонала и наделения его властью, политическое лидерство и стили политической деятельности, т. е. «метаюридические» вопросы. Речь идет о формировании того, что в западной литературе получило название «реалистическое», «социологическое» направление конституционно-правовой науки. Исходным пунктом исследования здесь выступает не право как совокупность действующих норм, а право как составляющая часть социальной реальности, т. е. «живая конституция». Это предполагает применение количественных и эмпирических методов исследования, разрушение «башни из слоновой кости», которую напоминает современная наука конституционного права.

Эту науку не может не интересовать конституционная практика, ибо в рамках конституционных институтов (президент, правительство, парламент) действуют неформальные центры власти, оказывающие влияние на механизм государственной власти и управления. Зарубежная конституционно-правовая наука тесно переплетена с политическими исследованиями. Ж. Бурдо пишет о том, что у политической науки нет собственного предмета и что она представляет собой лишь расширенный угол зрения на традиционные проблемы публичного права¹⁶. Во Франции утвердилось в учебных курсах видоизмененное название конституционного права — «конституционное право и политические институты». В Испании конституционное право называют нередко «политическим правом». Наука конституционного права США традиционно опиралась на социолого-политологические исследования, а на стыке науки конституционного права и политической науки постепенно сформировалась специальная отрасль знания — политическая юриспруденция.

К числу приоритетных направлений исследования конституционно-правовых институтов относятся: взаимодействие исполнительной и за-

¹⁶ См. Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. М., 1987,

конодательной властей; организация и функционирование конституционного правосудия в форме конституционных судов, партийных механизмов, их роль в принятии политических решений; влияние конституционно-правовых прецедентов на действие конституционных институтов; психологические и политические аспекты правоприменительной конституционно-правовой практики; соотношение федерального конституционного права и конституционного права субъектов Российской Федерации и др.

Доказавший свою практическую ценность конституционный принцип разделения властей продемонстрировал в российских условиях некоторые негативные стороны, прежде всего нестабильность и не всегда конструктивную институциональную конкуренцию, хронические правительственные кризисы. В то же время безоговорочное верховенство парламента ныне не характерно ни для одного национального государственного механизма. Даже в Великобритании разделяется концепция парламента как совещательного органа, обсуждающего действия правительства. Парламент — форум для влияния, а не прямого властвования, для совета, а не приказа, для критики, а не обструкции¹⁷. Обе власти — законодательная и исполнительная — призваны содействовать тому, чтобы общественные реформы не затухали ни в исполнительной, ни в законодательной структурах. Необходимо рационализировать рождающийся российский конституционализм. Смысл этой рационализации заключается в том, чтобы обеспечить путем особого механизма стабильность правительства при отсутствии поддерживающего его твердого парламентского большинства. Сама парламентская борьба имеет позитивный потенциал, это интегрирующая борьба, если она ведется по правилам.

Не менее важной проблемой конституционно-правовой науки является воздействие практики Конституционного суда РФ на государственный механизм. В ФРГ авторитет решений Федерального конституционного суда настолько велик, что практика его деятельности является критерием правовой и политической истины. Верховный суд США — это, по выражению В. Вильсона, — постоянно действующий конституционный конвент. Западные конституционалисты и политики уделяют значительное внимание анализу и прогнозированию решений органов конституционного правосудия. Российской конституционно-правовой науке еще предстоит определиться в вопросе о том, принять ли доктрину судебного активизма или отказаться от нее, т. е. от ведущей роли Конституционного суда в политико-правовой системе.

Появление института судебного контроля за конституционностью законов в Европе связывается с именем Г. Кельзена, принимавшего участие в разработке законодательства о конституционном правосудии Австрии. С тех пор конституционные суды и иные специализированные органы с похожими или аналогичными функциями появились во всех европейских странах. В Российской Федерации Конституционный суд действует менее двух лет, однако глубокое изучение его деятельности нужно начинать уже сегодня, не оставляя это дело будущим политическим поколениям. Конституционный суд выступает хранителем конституции и защищает учрежденную ею общую организацию власти. У российского Конституционного суда нет исторических традиций, запаса престижа и опыта, полученных от предшествующих коллизий и применения власти; ему приходится действовать в рамках современной российской политической культуры, которая далека от совершенства.

Одним из главных принципов деятельности Конституционного суда РФ является его независимость. Несомненно, что способность Конституционного суда действовать автономно зависит от исторических

¹⁷ См. The Growth of Parliamentary Scrutiny by Committies. London, 1970, p. 1.

традиций, важнейшей из которых является уважение к праву. Но реальную независимость от любых политических спонсоров Конституционный суд РФ обретет, как только получит гарантии своей самостоятельности.

Отношение Конституционного суда РФ к властным структурам — предмет особого изучения. Конституционный суд, как показывает мировой опыт функционирования конституционного правосудия, может вступать в коллизию с парламентом и правительством. Одновременно он своими решениями исправляет технические и политические упущения обеих властей. Таким образом, Конституционный суд интегрирован в процессы принятия решений на высших уровнях власти. Несмотря на провозглашенную в Законе о Конституционном суде РФ деполитизацию конституционного правосудия, не будет преувеличением сказать, что Конституционный суд в Российской Федерации родился и продолжает жить, не оборвав «пуповину», связывающую с политической средой, а его деятельность имеет не только правовую, но и политическую логику. Работа Конституционного суда имеет своей целью легитимацию или вытеснение тех или иных моделей конституционного (неконституционного) поведения, т. е. создание прецедентов, обязательных для правоприменителей.

Российская политическая карта пестра и многолика. Партии и движения не приобрели отчетливых политических очертаний. Пока еще затруднительно дать четкий ответ, какой тип политической системы — бипартизм, мультипартизм — укоренится в стране. Мультипартизм может выступать в трех формах — поляризованный, интегральный или мультипартизм с доминирующей партией. Науке конституционного права требуется подвергнуть тщательному анализу действующие ныне в России партийные структуры, проанализировать формы их организации.

Российское конституционное право — это, если использовать терминологию, принятую во многих зарубежных странах, — «статутное право». Конституционные нормы сосредоточены в Конституции и законодательных актах (органических законах), но не в судебных решениях. Напротив, англо-саксонское конституционное право — это главным образом прецедентное право. Становление судебной власти, обретение ею независимости будет, несомненно, сопровождаться усилением значения судебных решений для конституционно-правовой практики. Поэтому одним из интереснейших направлений исследований в области государственного строительства становится изучение механизма, условий и последствий принятия судебных решений, в том числе решений Конституционного суда.

Конституционно-правовая наука начинает глубже изучать политологические аспекты конституционных институтов. Происходит постепенная интеграция знаний в области конституционного права и политики. Перспективным видится формирование конституционно-правовых научных школ различных направлений: школы судебного поведения, парламентского поведения (бихевиористское направление), нормативистской школы (нормативистское направление), школы конституционных ценностей (философское направление). Политологический подход позволит осветить ряд неисследованных ныне конституционных проблем, в частности проблему конституционных обычаев.

Конституционно-правовые обычаи в нашей стране только начинают складываться. Речь идет о неписаных нормах парламентского, государственного и судебного поведения, соблюдение которых гарантирует «мягкое» разрешение конституционных конфликтов. Во многих зарубежных странах подобные обычаи — часть повседневной политической жизни. В ФРГ, например, к числу конституционно-правовых обычаев относится требование «доброго поведения» земель по отношению к федерации, что предполагает «искреннее» и «доброжелательное» отношение «центра»

и «мест». Обычаи могут сформироваться в российской конституционной практике с течением времени, однако некоторые предпосылки для их появления складываются уже сейчас, в процессе взаимодействия исполнительной и законодательной властей¹⁸.

Наряду с федеративным конституционным правом (правом Российской Федерации) развивается конституционное право субъектов федерации (республиканское и областное конституционное право). Субъекты федерации осуществляют активную законотворческую деятельность; сегодня они имеют исключительное право законотворчества по вопросам, относящимся к их исключительной компетенции, определенным в Федеративном Договоре. Интересным представляется в этом отношении наделение областей Российской Федерации правом принятия Устава области (областных конституций, по выражению О. Румянцева)¹⁹. Республиканские и областные конституции должны соответствовать Конституции РФ, а для различий место остается только в отдельных вопросах. Защита гражданских прав и свобод, тем не менее, должна гарантироваться не только республиканской властью, но и областной, более того, за последней следует признать здесь приоритет.

Наука конституционного права в России видится нам многослойной и постоянно обновляющейся системой. Разнообразие теоретических конструкций — выгодная черта американского и французского конституционного права. Конституционно-правовая доктрина соединяется с широкими интеллектуальными и политическими изысканиями, что предопределяет глубокую оригинальность исследований. Конституционные нормы открыты в США и Франции для соперничающих интерпретаций, которые ограничены только фундаментальными ценностями. Кроме того, заимствование позитивного опыта других стран происходит естественным образом, и это заимствование не нуждается в извиняющихся оправданиях. «Наш знаменитый прагматизм,— пишет Г. Берман,— может скрыть тот факт, что мы на деле выбираем из многих различных и соперничающих теорий только те истины, которые содержатся в каждой из них»²⁰. Подобная теоретическая терпимость к соперничающим теориям способствует продолжению конституционных дискуссий, препятствует консервации институтов, отвергаемых жизнью. Думается, что наука конституционного права в Российской Федерации постепенно обогатится всем комплексом правовых, философских, политико-социологических концепций и подходов к проблемам конституционно-правового регулирования.

Конституционно-правовая наука России сможет занять достойное место в мировой конституционно-правовой науке при условии ее включения в компаративистские (сравнительно-правовые) исследования. Компаративизм в области конституционного права — одно из перспективных направлений государственоведения. Национальное конституционное право всегда развивает те или иные идеи, формирует конституционные институты с учетом положительной или отрицательной практики зарубежного конституционного строительства. Российское конституционное право не может развиваться изолированно. Труды дореволюционных русских ученых-государствоведов всегда отличались широтой сравнительно-правового кругозора, отсутствием националистической замкнутости, панславистской ориентированности.

Каждое государство внесло и вносит свой вклад в мировую конституционно-правовую теорию. Англия (прежде всего в лице Дж. Ст. Милля) — родона-

¹⁸ Формируется, в частности, обычай «сделки» в процессе принятия решений законодательной и исполнительной властями.

¹⁹ Румянцев О. Новый федерализм в новой России. «Конституционный вестник», 1992, № 12.

²⁰ В е г м а n Н. Talks on American Law. 3 Ed. New York, 1971, p. 295.

чальница идеи представительного (парламентского) правления. США стали образцом президентской республики и федеративного государственного устройства. Общеизвестен вклад французской рационалистической конституционно-правовой теории, а также идеалистической и системной немецкой юриспруденции. Россия — одно из первых европейских государств, включившее в конституцию нормы о социально-экономических правах.

Работа многих научных коллективов, парламентской Конституционной комиссии и Конституционного совещания над проектом новой Конституции Российской Федерации — первый в нашей стране опыт использования сравнительно-правовых исследований на уровне конституционного регулирования. Восприятие и переработка иностранного опыта в области государственного права стали частью науки конституционного права в Англии, США, Японии. Продолжает возрастать число компаративистских трудов о конституционных судах, политических партиях, институтах Австралии, Канады, Ирландии, ФРГ, Норвегии, причем сравнение осуществляется как на «нормативном», так и на «функциональном» уровнях. Вряд ли можно расценивать многие конституционно-правовые нововведения в этих странах как простое заимствование, ибо реформы там проводятся с учетом национальных особенностей и международно-правовых рекомендательных и обязательных для исполнения принципов защиты гражданских прав и свобод. Компаративизм — это способ формирования единого правового мышления, соответствующего цивилизованным взглядам на государство и право, и потому его упечение в качестве метода исследования и самостоятельного направления конституционализма представляется настоятельной необходимостью в Российской Федерации. К сожалению, Россия еще не стала членом Международной ассоциации конституционного права, что затрудняет, замедляет развитие компаративистских изысканий.

Юридическая наука конституционного права является одной из профилирующих дисциплин на факультетах политических наук, в школах права. Государственное (конституционное) право в нашей стране всегда рассматривалось как фундаментальная отрасль права и преподавалось в качестве самостоятельной научной дисциплины. Однако существенным недостатком его преподавания являлось и до сих пор является непринятие в расчет текущих проблем государственной политики. Такого же рода проблемы, впрочем, возникают и у преподавателей конституционного права в других странах. Американские исследователи отмечают, что курсы конституционного права в США все еще читаются учеными, которые используют свои классы для доктринальных конституционных диспутов.

В последнее время, однако, во многих странах наблюдаются перемены: учебные курсы изменяют название и содержание («Конституционное право и политические институты», «Конституционное право и политическая наука»). Конституционалисты сходятся во мнении: преподавание конституционного права должно основываться на толковании текстов и изложении фактов. Снижение интереса к государственному (конституционному) праву у студенческой аудитории в нашей стране в немалой степени объясняется удалением государственного права от конституционно-правовой практики. В курсах государственного права практически отсутствуют ссылки на судебные решения, правоприменительную и правотворческую практику государственных органов, в том числе местных органов власти, управления, органов местного самоуправления. Прецедентный метод обучения конституционному праву в российских юридических институтах и университетах позволит преодолеть недостатки формального академизма конституционного права.

Конституционное право — это фундаментальное, основополагающее для всей системы права институционально-юридическое образование. Конституция объединяет три крупных направления правового регулирования: источники власти, основы власти, формы (организации) власти.

Поскольку конституционное право представляет собой результат политического взаимодействия, его можно рассматривать в качестве инструмента социально-политического регулирования, демополизации средств воздействия на участников политического процесса, формирования многогранного, разноуровневого общества и государства.

Современная политическая система усложнилась, и это расширяет предмет конституционного регулирования. Конституционное право ожидает заманчивое будущее: его роль, вне всякого сомнения, будет возрастать по мере повышения общественной значимости права, приобретения им новых социальных качеств. Волна критицизма в теории современного конституционного права трансформируется в ренессанс глубокой теории.

© В. Бойцова. Л. Бойцова, В. Ломовский, 1993